

А.В. Шкурко

СИТУАЦИИ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

В ряде социальных исследований подчеркивается ситуативная природа поведения и познания. Контингентность действия и мышления заставляет обращаться к окружению при объяснении поведения. Однако такой подход, объясняя ситуативную обусловленность поведения, не способен объяснить структурные особенности и распространенность самих ситуаций. Существование устойчивых социальных образований может быть представлено как множество связанных ситуаций, определяемых через противопоставление не агенту, а действию или, точнее, решению задачи. Решение задач — дискретная и специфичная активность, которую можно непосредственно соотнести с социальными функциями на социетальном уровне. Изучение ситуаций решения задач предполагает идентификацию задач, являющихся конститутивными для того или иного вида деятельности или социального института, выявление и анализ релевантных элементов ситуации, определяющих решение задач, и анализ всего множества ситуаций как элемента социальной системы. Рассматривается логика применения такого подхода на примере института науки.

Ключевые слова: *ситуация, решение задач, контекст, ситуативное познание, ситуативное действие, социальная система.*

Keywords: *situation, task solving, context, situated cognition, situated action, social system.*

Введение

В последние годы во многих социальных науках усилился интерес к ситуативному характеру человеческой активности. Возможно, наиболее ярко этот интерес проявился в когнитивной науке и когнитивной психологии при формировании таких направлений, как ситуативное познание, распределенное познание и воплощенное познание (Hutchins 1995; Chandrasekharan, Osbek 2010; Osbeck et al. 2007; Thompson, Fine

1999; Button 2008; Van de Laar, de Regt 2008; Шкурко 2010). Если для классической когнитивной науки, появление которой было связано с развитием вычислительной техники и применением компьютерной метафоры к изучению человеческого разума, познание представляло собой вычислительный процесс, совершаемый над внутренними репрезентациями, или моделями, и в целом соответствовало традиционной субъект-объектной концепции, то для альтернативных подходов в той или иной степени характерна экстернализация человеческого познания — или познания вообще — за пределы индивидуального ума и центральной нервной системы. Общим для указанных подходов является то, что человек как одна из множества когнитивных систем перестает рассматриваться как относительно замкнутая вычислительная система, и объяснение познавательных процессов требует анализа его непосредственного окружения. Собственно, границы когнитивной системы расширяются, включая в себя в том числе элементы среды, ситуации, а познание становится фундаментально контингентным процессом.

В психологических исследованиях ситуации исследуются через призму противопоставления диспозиционных и ситуативных факторов поведения, т.е. с учетом того, что в разных ситуациях большее значение для объяснения поведения могут иметь либо особенности ситуации, либо индивидуальные особенности (Reis 2008; Cooper, Whitey 2009). Например, поведение водителя на перекрестке будет в большей степени определяться сигналом светофора, а не внутренними характеристиками (Cooper, Withey 2009).

Вместе с тем нельзя сказать, что идея ситуативности является принципиально новой в социальных науках или связанной исключительно с психологическими исследованиями. Различные формы обращения к контексту можно встретить в менеджменте, при изучении влияния ситуативных особенностей на деятельность и функционирование организации, в политологии, изучающей политическую конъюнктуру, в методологии кейс-стадис, рассматривающей детальное изучение отдельных ситуаций как инструмент получения знаний, в микросоциологии, изучающей способы организации межличностного взаимодействия, в социологии научного знания, поставившей своей целью вывить контингентный характер производства знания (Science in Context 1982), даже в макросоциологии, изучающей особенности исторической ситуации, в которой оказалось то или иное общество, как, например, в веберовском анализе возникновения капитализма, и даже в неокантианском противопоставлении номотетического и идиографического методов. Ряд исследователей предпринимает попытки разработать общую методологию ситуационных исследований на основе выявления общих черт

подходов, сложившихся в различных областях науки (Ситуационные исследования 2005; 2006).

Главная идея большинства из перечисленных традиций заключается в том, что человеческая активность, будь то активность познавательная или поведенческая, укоренена в конкретном материальном, информационном, культурном и социальном окружении, а потому не может быть объяснена без обращения к контексту. Результаты поведенческой или познавательной активности определяются взаимодействием агента и его окружения, и если мы хотим описывать и объяснять не абстрактное поведение абстрактного субъекта, а познание или поведение « в естественных условиях», то наше описание неизбежно должно включать описание ситуации.

Вместе с тем интерес к ситуациям со стороны социологии науки имеет несколько фундаментальных ограничений:

1. Обращение к ситуации как к способу объяснения индивидуального поведения или познания заменяет одну неизвестную другой. Ситуация объясняет поведение. Но что определяет причины появления и особенности самой ситуации? Ситуация рассматривается как само собой разумеющаяся вещь. Но мы должны признать, что если особенности ситуации являются существенным фактором, определяющим когнитивный или поведенческий результат, то объяснение результата должно включать в себя и объяснение ситуации. Исследуя особенности отдельных ситуаций, мы вряд ли можем рассчитывать на генерализацию результатов и объяснение причин появления и механизмов распределения ситуаций в реальной жизни.
2. Понятие ситуации носит, по существу, производный характер, поскольку определяется через понятие актора. Наиболее явно это проявляется в теории Т. Парсонса, в которой ситуация рассматривается как совокупность объектов ориентации актора, а потому объяснение действия полностью определяется отношением актора к ситуации (Парсонс 2002: 76). Однако актор — отнюдь не то, что может полагаться само собой разумеющейся целостной сущностью, особенно в свете упомянутых идей распределенного познания или представлений о модулярной организации личности, предполагающей, что то, что мы называем индивидуальностью, — это скорее результат взаимодействия различных систем и процессов, чем сущность *sui generis* (Kurzban, Aktipis 2007; Emrys 1997). Кроме того, если даже полагать актора источником действия, содержание действия вряд ли можно понять, если не признать, что будущие объекты ориентации обладают определенной самостоятельностью и независимостью от агента.

3. Преимущественный интерес к ситуациям межличностного взаимодействия, характерный для социологических, антропологических и социально-психологических подходов, исключает из рассмотрения другие, возможно, не менее важные ситуации, в которые вовлечен человек и которые имеют безусловное значение для понимания поведенческой и познавательной активности.

Вместо традиционно рассматриваемой системы «ситуация — актер» мы предлагаем рассмотреть систему «ситуация — действие» или, точнее, «ситуация — задача», имея в виду, что целенаправленная активность имеет форму решения задач, и любые социальные эффекты, интересующие социологов, воплощены именно в действиях, событиях, а отнюдь не в акторах. При этом мы полагаем, что ситуации решения задач должны рассматриваться как непосредственный фокус внимания, а отнюдь не как вспомогательное понятие.

Ситуации решения задач

Несмотря на частоту употребления, особенно в психологии, понятие задачи не имеет четкого значения. Этот термин в равной мере может относиться к нахождению правильного ответа в математическом примере, распознаванию образов или произнесению фраз на иностранном языке. Тем не менее, можно указать на ряд важных отличительных черт задач, а именно:

- конечность во времени (если поведение — это процесс, то решение задач — событие);
- дискретность, т. е. фиксируемая отграниченность от других задач (этими свойствами не обладают ни «поведение», ни «деятельность», ни «познание»);
- наличие альтернативных возможностей решения;
- наличие идентифицируемого результата, который может быть инкорпорирован в последующие ситуации решения задач;
- специфичность; задачи можно считать конститутивными элементами деятельности, определяющими его специфику и социальные функции.

Мы предпочитаем говорить именно о ситуативном решении задач, а не о ситуативном поведении, по следующим причинам. Во-первых, термин «задача» более конкретен и содержателен, чем термин «поведение»; описание в терминах решения задач требует большей строгости в анализе. Скажем, говоря о «потребительском поведении» в терминах решения задач, мы вынуждены осуществлять декомпозицию поведения до уровня задач «оценка потребительских свойств товара», «определение собственных потребностей», «принятие решения о покупке» и т. д.

Попытка изучения факторов, влияющих на потребительское поведение как таковое, будет менее точной, чем попытка выявления факторов, влияющих на решение указанных задач. Во-вторых, решение ряда задач вообще сложно интерпретировать в поведенческой терминологии, поскольку они не всегда воплощаются в непосредственно наблюдаемых поведенческих актах. Скажем, формирование внутренних репрезентаций, или моделей окружающего мира, не является поведением в социологическом смысле этого слова, хотя и может быть его предпосылкой. Наконец, в-третьих, исследование в терминах решения задач более естественным образом поддается макросоциологической интерпретации, поскольку мы можем говорить, что посредством решения задач реализуются социальные функции институтов. Если мы скажем, что функции реализуются посредством поведения, это будет менее точно и потребует дальнейших уточнений. Такого рода уточнения, вместе с тем, по сути будут означать локализацию решаемых задач. Следовательно, термин «поведение» будет излишним.

Процессы решения задач — универсальный объект внимания для многих наук, начиная с экономики и заканчивая робототехникой. Для психологии решение задач — проявление активности индивидуальной психики, для когнитивной нейронауки это психические процессы, реализованные физической архитектурой, возникшей в ходе эволюционного развития, для социальных наук решение задач — результат декомпозиции функций социальной системы, т. е. операции, которые должны быть осуществлены для достижения системного эффекта.

Мы привыкли рассматривать решение задач как одну из функций агента: решение задач — интенциональная активность, а источником любой интенциональной активности выступает агент. Однако даже если отвлечься от сложности и неочевидности самого понятия агента как целостной системы, содержательное значение при описании и объяснении общественных проблем имеют все же не свойства акторов, а события, действия, содержание их деятельности, поскольку только в нем и воплощаются любые «свойства». Но раз так, то разумнее попытаться поставить в фокус внимания сами события, а не гипотетический статичный источник событий. Полагая, что содержание человеческой деятельности конкретизируется в решении задач, мы можем обосновать социологический интерес к изучению ситуаций следующим образом.

Любые социальные явления, а также явления, которые не являются социальными, но важны для социальных наук, т. е. явления экономические, связанные с функционированием технологии и пр., могут быть представлены как множества связанных ситуаций. Например, о коррупции мы можем говорить, только если имеется множество локальных

ситуаций, в которых берут и дают взятки, рассказывают о том, как брали и давали взятки, арестовывают тех, кто берет и дает взятки и т. д. Важно то, что конститутивным для явления будут не люди, вовлеченные в соответствующие ситуации, а сами действия.

В каждой ситуации решается некоторая задача. Локализация задачи и уровень ее рассмотрения — выбор и ответственность исследователя, определяемые целями, доступными ресурсами, аудиторией, к которой обращены результаты анализа. Анализ задач, по сути, равнозначен разработке алгоритма и является частью управленческой и других видов практической деятельности (McIntyre 2004).

Любая задача может быть решена различным образом — это следует из самого определения задачи. Соответственно, может быть описан набор переменных, влияющих на решение задачи, хотя само их перечисление также зависит от выбора уровня анализа.

Любая переменная, влияющая на решение задачи, является элементом ситуации решения задачи. Таким образом, ситуация — это не просто «контекст», внешняя среда и пр., это набор факторов, вариации которых соответствуют вариациям решения задачи. Если решение задачи зависит от статусной позиции, значит, статусная позиция является элементом ситуации — если только мы не захотим дать ее «низкоуровневую» интерпретацию, например, в терминах нервных процессов. Если мы обращаем внимание на то, что при принятии коррупционных решений происходят значительные колебания уровня дофамина в некоторых мозговых структурах, значит, мы должны включить эти мозговые структуры в число элементов ситуации.

Любой элемент ситуации применительно к изучению множества ситуаций должен рассматриваться статистически, с точки зрения распространенности и вероятности проявления в данной ситуации. Если на принятие коррупционного решения влияют религиозные верования, необходимо говорить о вероятности, с которой некоторая религиозная норма может оказаться включенной в структуру ситуации, предполагающей принятие административных решений. Если принятие коррупционных решений зависит от секреции дофамина, то описание явления коррупции должно включать в себя статистическую характеристику распределения по всему множеству задач факторов секреции дофамина.

Аналитика ситуаций

С социологической точки зрения интерес представляет в первую очередь распределение и связь большого количества задач и ситуаций. Однако механизм достижения социальных эффектов можно понять, только зная типичные структурные особенности ситуаций. Несмотря на

то, что «контекстуальность» человеческой активности обычно предполагает отказ от поиска универсальных объяснений поведения, большинство контекстов, относящихся к определенным задачам, достаточно типичны и структурированы вполне единообразно.

Как уже было сказано, ситуация — это совокупность релевантных условий решения задачи. Каждый фактор, структурирующий конкретную ситуацию, накладывает ограничения на спектр возможных решений, но вместе с тем и предоставляет возможности. Цель исследователя — идентификация наиболее значимых факторов, изучение характера их влияния на способ решения задачи, и, в конечном итоге, определение спектра доступных решений. Этот этап исследования требует установления большого количества зависимостей. Их полное и систематичное эмпирическое описание — дело отдаленного будущего, особенно с учетом дисциплинарных различий в исследовании решения задач.

Целью любой реалистичной теории среднего уровня является создание малопараметрических моделей, оперирующих небольшим числом переменных, по крайней мере для отдельных классов задач. Многообразие контекстуальных факторов, влияющих на решение задачи здесь и-сейчас, как может показаться, делает затруднительными любые попытки обобщения и выявления универсальных закономерностей — что, собственно, и отражено в идеологии ситуационных исследований большинства упомянутых разновидностей. Однако для любого вида деятельности или институционального образования можно найти ограниченное число задач, имеющих конститутивное значение, и для любого отдельного класса задач существует ограниченное число значимых факторов, участвующих в структурировании ситуаций, характер воздействия которых вполне доступен для изучения. Более того: не исключено, что аналитика ситуаций на уровне «низкоуровневых» процессов, например, нейрофизиологических, позволит значительно сократить многообразие задач за счет установления их нейрофизиологического подобия.

К первой группе факторов можно отнести то, что принято называть ресурсами. Ресурсы — это то, что расходуется при решении задачи и нуждается в восполнении.

Примером такого универсального ресурса являются трудозатраты, понимаемые как рабочее время, которое опытный и мотивированный индивид тратит на решение задачи. Вряд ли стоит доказывать, что большинство задач будут решаться по-разному в зависимости от того времени, которое имеется в наличии. Например, в психологии проводились исследования влияния эффекта «Need for Closure» (потребность в завершении) на решение задач. Этот эффект означает стремление индивида решить поставленную задачу *хоть как-то*, даже если нет никакой воз-

возможности решить ее качественно и правильно, и основным способом экспериментального управления подобной переменной являлось управление временем, доступным при решении задачи (Pierro, Kruglanski 2008; Roets et al. 2008). Стоит также напомнить, что в качестве одной из составляющих исследовательской процедуры по выявлению фоновых ожиданий в этнометодологии выступает управление временем, доступным для переинтерпретации ситуации субъектом (Гарфинкель 2007: 65). Время рассматривается как предпосылка организации ситуации: если элементы ситуации не вписываются в стандарты восприятия, их упорядочение и рационализация требуют дополнительного времени. Или, еще проще, «социальное конструирование реальности» требует времени и энергии. И чем больше ресурсов вложено, тем прочнее конструкция — в чем, собственно, и старается убедить всех Б. Латур (Латур 2006), тщетно пытаясь вернуть термину «конструктивизм» исконное значение.

Учитывая универсальность денег как единицы измерений человеческих усилий, могут использоваться финансовые показатели для описания их количественного значения. Методы, используемые в экономическом анализе, такие как функционально-стоимостной анализ, могут использоваться и для количественных оценок отдельных задач и операций более низкого уровня, таких как «чтение статьи» или «расчет суммы налоговых вычетов».

Поскольку для решения большинства задач значение имеет не стоимость труда (на которую влияет слишком много факторов) и не время как таковое, а количество интеллектуальных и физических усилий (по крайней мере, когда речь идет о задачах, решаемых человеком), более адекватные единицы измерения могли бы включать в себя физиологические и нейрофизиологические индикаторы, такие как размер зрачка (Канеман 2006) или потенциал P300 в мозге (Polich 2007). Для макроуровневых, институциональных исследований такие методы могут показаться технически нереализуемыми, однако для лабораторных исследований они вполне применимы.

Вторая общая группа факторов — это то, что можно назвать правилами преобразования. Они имеют отношение скорее к способам манипулирования и использования ресурсов. В литературе описано большое количество разновидностей подобных структурирующих условий: парадигмы, архетипы, фреймы, структуры (в структуралистском значении), правила, когнитивные стили, установки, эпистемические культуры, скрипты (в смысле когнитивной нейронауки) и т. д. Основой подобных структурирующих факторов являются классификационные системы, которыми мы оперируем в разных обстоятельствах. Классификации — основа для познавательной деятельности, социального взаимодействия

и самой идентификации задач. Классификационные системы многообразны, а различные элементы классификаций сопряжены с «весовыми индексами», определяющими их релевантность для ситуации, субъективную значимость, модальность и другие характеристики, определяющие форму активности. Собственно, все структуры, которые мы перечисляли как факторы решения задач, являются подобными операциями над классификациями. Поскольку процессы категоризации пристально изучаются в когнитивной науке и нейронауке, можно рассчитывать на использование достаточно жестких методов применительно и к этому параметру.

Таким образом, можно назвать два универсальных параметра, значимых практически для каждого типа задач: параметр, характеризующий приложенные усилия, и параметр, характеризующий активность элементов классификационных систем. К слову сказать, неудача чисто экономического подхода к интерпретации человеческого поведения (Беккер 2003) заключается именно в том, что, много внимания уделяя распределению ресурсов, он практически полностью игнорирует роль классификаций. Аналитика ситуаций предполагает нахождение ответов на сравнительно простые вопросы: какие классификационные системы наиболее релевантны при решении тех или иных задач, как их вариации влияют на результат и как влияют на результат различия в затраченных усилиях.

Принципиальным является то, что поскольку задачи возникают во взаимодействии агента и среды, структуры, о которых мы говорим, являются задачеспецифичными, т. е. зависят от содержания задачи. Поэтому в решении отдельного класса задач значимую роль играет лишь небольшое число структур. В ряде любопытных исследований, посвященных моделированию процессов образования «эпистемических структур», обеспечивающих снижение когнитивной нагрузки и успешность решения задач, подтверждается их специфичность, и, более того, указывается, что они могут быть «внешними» по отношению к агенту (Chandrasekharan, Stewart 2007), как, например, в случае с феромонами у насекомых. «Парадигма» является релевантной структурой лишь для очень небольшого числа задач, равно как «статусные позиции» обладают разной релевантностью в различных ситуациях.

Возможность существования «внешних» структур делает мало полезным само выделение внешней и внутренней среды агента для понимания решения задач. Выделение ситуативных и диспозиционных факторов поведения малопродуктивно и потому, что любой «внутренний» элемент, такой как «предпочтения» или «наличная информация», можно интерпретировать в терминах его распространенности и доступности

в данной ситуации, либо вероятности, с которой он может присутствовать в некоторой ситуации.

Важно понимать, что итоговый спектр доступных решений определяется диспозицией сил. В идеале знание такой диспозиции должно определять вероятность решения задачи определенным образом и не должно рассматриваться как нечто, подлежащее дальнейшему стратегическому выбору со стороны субъекта. Элементы архитектуры агента, в том числе нейрофизиологические структуры, активные при принятии решений, восприятии и пр., в этой связи необходимо рассматривать как элементы ситуации *per se*, безотносительно к агенту как само собой разумеющейся целостности.

Множества ситуаций

С социологической точки зрения аналитика ситуаций — вопрос важный, но недостаточный для понимания человеческой деятельности. Ситуация определяет характер решения задач, но что определяет структуру ситуации, что порождает контекст? Если структурные особенности ситуаций представлены как ресурсы, тогда имеет смысл обращаться к агрегированным показателям, характеризующим их распределение в физическом и социальном пространстве. Зная распространенность информации, языковых или культурных кодов, презентационных навыков и т. п., мы можем определить и их потенциальную доступность в любой интересующей нас ситуации или классе ситуаций. Высокая распространенность ресурса является результатом решения предыдущих задач по его производству, принятию, трансляции и использованию, что логично подводит нас к рассмотрению способов взаимосвязи ситуаций и образуемых вследствие этого множеств.

Связь различных ситуаций необходимо рассматривать как минимум в трех аспектах. Во-первых, требуется определить природу импортируемого результата решения задачи, т. е. установить, в каком виде результат решения задачи в одной ситуации появляется в другой ситуации. Учитывая, что обсуждаемые задачи и типы ситуаций носят существенно различный характер, следует ожидать и большого разнообразия способов импорта-экспорта результатов. Например, результат решения задачи выбора профессии может проявляться в последующих ситуациях в виде критериев релевантности при отборе и оценке информации или в качестве статусной позиции, задающей предпочтительные способы поведения. Важно отметить, что и в том, и в другом случае импортируемый результат решения предыдущей задачи функционирует в данной ситуации в качестве одного из элементов ее структуры. Можно также предположить, что наличие качественной классификации задач и струк-

турных условий их решения позволит составлять своего рода таблицы сопряжений, позволяющей установить, как результат решения задачи любого данного типа импортируется в любой последующей ситуации. С точки зрения теории среднего уровня, разумно создавать подобные таблицы отдельно для каждой исследуемой области.

Во-вторых, необходимо определить механизм переноса, или сопряжения ситуаций. Если исходить из того, что связь ситуаций носит прежде всего информационный характер, то нам видятся лишь два общих механизма сопряжения: память и коммуникация.

Наконец, третий аспект анализа сопряжения ситуаций — это определение силы такового сопряжения, т. е. значимости результатов решения предыдущей задачи при решении текущей. Сила сопряжения может быть представлена в том числе и как вероятность переключения на некоторую новую задачу. Скажем, решение задачи «выбор профессии» может трансформироваться в переключение на задачу «поиск работы» или «сдача вступительных экзаменов» с разной вероятностью, в зависимости от оценки ожидаемой полезности или других элементов ситуации.

Любые системные функции, которые мы соотносим с общественными образованиями, конечно, реализуются не в отдельных ситуациях, а в их множестве. «Множества ситуаций» — это целые серии ситуаций, связанные друг с другом указанными механизмами сопряжения. Несложно видеть, что границы подобных множеств могут определяться достаточно произвольно, поскольку большинство ситуаций так или иначе связаны. При определенной ловкости можно провести границы и так, чтобы они примерно соответствовали традиционно определяемым границам институтов. При этом отсутствие естественно выделяемых границ множеств ситуаций избавляет от необходимости локализации институтов. Те же составляющие институтов, которые обычно находятся в фокусе социологического исследования, например, специфические нормы или образцы поведения (роли), естественным образом оказываются структурными компонентами ситуаций.

Системные свойства реализуются во множестве ситуаций посредством их особого структурирования и взаимосвязей. Если перенос структурных условий по каким-то обстоятельствам затруднен, например, в силу дефицита необходимых ресурсов, то системное свойство реализоваться не может.

Характер проявления системных свойств, связанных с решением задач, может быть, в основном, сведен к трем глобальным характеристикам:

— количество и распределение решаемых задач разного типа;

- количество и распределение структурных условий, определяющих, как будет решена задача и что будет экспортироваться в качестве результата;
- интенсивность и траектории сопряжения ситуаций, характеризующие совокупный эффект от решения задач, а также вероятность возникновения новых задач.

Перечень может быть дополнен другими характеристиками, в частности, показателями стоимости: стоимости операций, в ходе которых осуществляется решение задач, стоимости мобилизации ресурсов для такого решения, стоимости импорта/экспорта результатов решения задач. В социальной теории не всегда помнят про экономический аспект существования социальных систем, хотя именно он определяет границы возможного. Даже простое воспоминание требует затрат. Однако анализ различных издержек подобного рода выходит далеко за рамки настоящей статьи.

Пример из области социологии науки

Рассмотрим логику применения подобного ситуативного подхода на примере одного из социальных институтов — науки. Ситуативный подход допускает различные уровни исследования, однако социологический интерес предполагает изучение именно институциональных черт науки.

1. Декомпозиция науки до уровня задач, носящих конститутивный характер. В самом простом виде мы можем выделить следующие общие задачи, в совокупности образующие логику исследовательского процесса: выбор направления исследования, постановка проблемы, поиск решения, представление исследовательских результатов, оценка исследовательских результатов, использование исследовательских результатов. Несложно видеть, что логико-гносеологический анализ будет концентрироваться, в основном, в классе задач «поиск решения», однако очевидно, что наука в той форме, в которой мы ее знаем, возможна только благодаря всем вышеперечисленным задачам. Также очевидна возможность дальнейшей декомпозиции выявленных задач — вплоть до базовых когнитивных операций и нервных процессов.
2. Аналитика ситуаций. Целью данного этапа является эмпирическая работа по выявлению большого числа зависимостей, влияющих на решение тех или иных задач научной деятельности. Например, социология науки может интересоваться влиянием социальной позиции на решение задачи «оценка результатов исследования». Однако аналитика ситуаций позволит выявить более содержательные и кон-

клетные составляющие социальной позиции, которые и оказывают непосредственное влияние. Социальная позиция в данном случае важна с точки зрения:

- предметной классификации областей знания, поскольку первичная оценка предполагает оценку именно релевантности научной информации с точки зрения собственных исследовательских целей;
- статусной категоризации — оценки автора с точки зрения конкуренции;
- статусной категоризации — оценки с точки зрения ожидаемой ценности сообщения и, как следствие, определение количества ресурсов, которые могут быть направлены на решение задачи оценки;
- доступных ресурсов (зависящих как от предварительной оценки, так и от внешних обстоятельств, в том числе характеристик самого текста) — влияние на степень дифференцированности оценки.

Перечисленные виды зависимостей носят универсальный характер и могут исследоваться с любой степенью подробности.

3. Статистика ситуаций. Несмотря на важность аналитики отдельных ситуаций, понимание науки как института предполагает статистическую характеристику всего множества ситуаций, относящихся к научной деятельности. Подобная статистическая характеристика должна включать в себя описание распределения задач и элементов ситуации, как с точки зрения их относительного количества, так и с точки зрения их связи. При этом очевидно, что различные институциональные модели науки, характерные, например, для разных стран, разных дисциплин или исторических периодов, будут отличаться именно составом и количеством задач и ситуаций. Институциональные области науки могут отличаться друг от друга, например, удельным весом задач оценки научных сообщений, сравнительной важностью статусных категоризаций или степенью влияния результатов оценки научного сообщения на постановку новых исследовательских проблем.

Для примера возьмем в качестве единственного параметра моделирования среднее время, доступное для решения задач. Учитывая бессмысленность времени, равного нулю или бесконечности, введем следующее определение экстремальных значений: время, минимально необходимое для решения задачи, т. е. для того, чтобы задача была решена *хоть как-то*, что соответствует упомянутому выше эффекту «потребности закрытия»), и время, максимально возможное при решении задачи, т. е. столько, сколько нужно в соответствии с некоторыми принятыми стандартами при допущении, что этот ресурс неисчерпаем. В качестве моделируемой задачи возьмем «восприятие и оценку исследова-

довательских результатов», воплощенных в содержании журнальных статей, выступлений на конференции и т. д.

В первой модели исследователи тратят минимум времени на восприятие и понимание содержания научной информации, а также на ее оценку, во второй они имеют возможность полноценного освоения информации. При этом мы принимаем, что речь идет об одинаковом по объему массиве информации, и эта информация одинакова с точки зрения ее релевантности, сложности, достоверности, формата представления и др.

Каких последствий могли бы мы ожидать в каждой из этих моделей для способности общества решать когнитивные задачи?

Время в ситуациях восприятия и оценки научных результатов необходимо для того, чтобы определить смысловое содержание сообщения, степень его ценности и достоверности, а также — возможные способы дальнейшего использования. Эти ситуации важны, поскольку они определяют дальнейшую судьбу «заявки на знание», а следовательно — когнитивное содержание науки и символический капитал автора (принятие заявки выступает в том числе как форма символического вознаграждения). Достаточность времени, отводимого на восприятие и оценку, позволяет субъекту рассмотреть все присутствующие в сообщении элементы информации и определить их релевантность и ценность для различных научных проблем.

С другой стороны, дефицит времени принуждает субъекта оценки отказаться от внимательного изучения смыслового содержания сообщения и его дифференцированной оценки. Можно предположить, что в условиях нехватки времени субъект будет склонен использовать более простые системы оценивания, в конечном итоге — бинарное оценивание: да/нет, принять/отклонить, учесть/проигнорировать. Можно также предположить, что смысловое восприятие и оценка будут носить более утилитарную направленность, чем в первом случае: сообщения будут оцениваться с точки зрения полезности для себя (могу ли я как-то использовать эти результаты, могу ли я повысить собственную символическую капитализацию, дав определенную оценку, и т. д.), тогда как в первом случае больше возможностей рассмотреть сообщение в более широком контексте (как сообщение может быть использовано с максимальной эффективностью, где и кому оно может пригодиться и т. д.).

Следующее предположение касается самого способа оценивания. Этнос науки предполагает, что оценка любого научного сообщения должна основываться на универсальных критериях и стандартах, которые должны в равной мере применяться по отношению ко всем сообщени-

ям, вне зависимости от того, кто является его автором (Merton 1957; Hagstrom 1965). Однако дефицит времени формирует некоторое противоречие между количеством потенциально доступных объектов оценивания и количеством объектов, которые *могут* быть оценены. В этих условиях можно ожидать усиления роли любых косвенных маркеров, которые могут облегчить оценку (если сообщение нужно оценить по принципу да/нет, рациональный субъект не может просто бросать монету; выбор должен быть хоть как-то обоснован, чтобы повысить вероятность более «правильной» или «полезной» оценки). В качестве таких маркеров могут выступать маркеры социальной позиции автора (известный/неизвестный, знакомый/незнакомый, научная степень), организации, страны, источника информации (например, название журнала), маркеры информативности сообщения (объем работы, формат), маркеры релевантности сообщения (название, ключевые слова, abstract, библиография) и др. Подобные маркеры являются не чем иным, как используемыми способами категоризации.

Если подобные зависимости верны, тогда модель с минимумом времени для оценивания должна тяготеть к более высокой степени партикуляризма и существенно меньшей когнитивной и социальной дифференцированности, но одновременно — и к большей консистентности и стандартизованности знания.

Заключение

Главная цель настоящей работы — показать, что ситуации решения задач могут быть самостоятельным и легитимным объектом изучения в социальных науках. Задачи являются конститутивным элементом любой осмысленной деятельности, определяя специфику и содержание профессиональной, творческой и познавательной деятельности, коммуникации и других видов активности. С одной стороны, решение задач составляет содержание повседневной активности, заставляя конкретизировать психологические и социологические исследования «поведения». С другой, задачи могут быть соотнесены с функциями социальных институтов, которые принято изучать на макроуровне.

Совокупность релевантных обстоятельств, влияющих на решение задачи, образует ситуацию решения задач. Поэтому исследование решения задач по своей природе является ситуационным. В большинстве случаев интерес к контексту предполагает, что на изучении здесь-и-сейчас условий исследование и заканчивается. Однако взаимосвязь различных ситуаций и их упорядочение — именно то, что образует устойчивый характер социальной жизни, а потому на изучении контекста как такового исследование не может останавливаться. Элементы ситуаций

можно рассматривать как ресурсы, изучение которых в терминах распределения, доступности и вероятности появления позволяет устанавливать причины и условия формирования множества ситуаций и, соответственно, множества решений задач.

Во многих случаях, как для чистой теории, так и для прикладных исследований, гораздо важнее понять, *как* будет решаться та или иная задача, а не *кто* именно ее решит, с какими целями и мотивами, в каких статусных позициях и т. д. В этом случае целесообразно исходить именно из решаемой задачи, а не из социальных структур, функций, интерпретируемых целей и смысла действий. Смысл такой «элиминации» индивида заключается в следующем: на решение задачи могут оказывать влияние различные силы, и если для определения результата решения задачи необходимо знать состояние этих сил, то нет смысла говорить об индивиде как о месте их концентрации.

Ориентация на изучение ситуаций решения задач стимулирует постановку достаточно простых вопросов. Какие задачи решаются в данной области деятельности? Что влияет на их решение? Что является результатом их решения? Как задачи и факторы, обуславливающие их решение, распределены в социальном и физическом пространстве? От чего зависит такое распределение? Какие функции выполняют данные задачи в макроуровневой организации социальных систем? Подобные вопросы, так или иначе, ставятся в психологических, социологических и экономических исследованиях. Однако до тех пор пока в центр внимания не будет поставлена собственно ситуация решения задачи, подобные исследования не будут иметь надежной теоретической основы.

Литература

- Беккер Г.С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
- Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007.
- Канеман Д.* Внимание и усилие. М.: Смысл, 2006.
- Латур Б.* Надежды конструктивизма // Социология вещей. Под ред. В. Вахштайна. М.: Территория будущего, 2006. С. 365–389.
- Ситуационные исследования. Вып. 1: Ситуационный подход. Колл. монография / Под общ. ред. Н.М. Солодухо. По матер. всерос. семинара. Казань: КГТУ-КАИ, 2005; Вып.2: Типология ситуаций. Казань, 2006.
- Парсонс Т.* Социальная система / Парсонс Т. О социальных системах. М.: Академический проект, 2002. С. 73–520.
- Шкурко А.В.* От распределенного познания к распределенному решению задач: социологическая перспектива в развитии когнитивной науки // Психология. Журнал ВШЭ. 2010. № 3. С. 3–22.

Button G. Against 'Distributed Cognition' // *Theory, Culture & Society*. 2008. Vol. 25. No 2. Pp. 87–104.

Chandrasekharan S., Osbeck L. Rethinking Situatedness: Environment Structure in the Time of the Common Code // *Theory & Psychology*. 2010. Vol. 20. No 2. Pp. 171–207.

Chandrasekharan S.C., Stewart T.C. The Origin of Epistemic Structures and Proto-Representations // *Adaptive Behavior*. 2007. Vol. 15. No 3. Pp. 329–353.

Cooper W.H., Withey M.J. The Strong Situation Hypothesis // *Personality and Social Psychology Review*. 2009. Vol. 13. No 1. Pp. 62–72.

Emyrbayer M. Manifesto for a Relational Sociology // *American Journal of Sociology*. 1997. Vol. 103. No 2. Pp. 281–317.

Hagstrom W. O. The Scientific community. N.Y., L.: Basic Books, 1965.

Hutchins E. Cognition in the Wild. Cambridge, MA: MIT Press, 1995.

Kurzban R., Akipis C.A. Modularity and the Social Mind: Are Psychologists Too Self-ish? // *Personality and Social Psychology Review*. 2007. Vol. 11. No 2. Pp. 131–149.

McIntyre T. Task Analysis, 2004. [URL: http://maxweber.hunter.cuny.edu/pub/eres//EDSPC715_MCINTYRE/TaskAnalysis.html].

Merton R.K. Priorities in Scientific Discovery: A Chapter in the Sociology of Science // *American Sociological Review*. 1957. Vol. 22. No 6. Pp. 635–659.

Osbeck L.M., Malone K.R., Nersessian N.J. Dissenters in the Sanctuary. Evolving Frameworks in 'Mainstream' Cognitive Science // *Theory and Psychology*. 2007. Vol. 17. No 2. Pp. 243–264.

Pierro A., Kruglanski A.W. «Seizing and Freezing» on a Significant-Person Schema: Need for Closure and the Transference Effect in Social Judgment // *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2008. Vol. 34. No 11. Pp. 1492–1503.

Polich J. Updating P300: An Integrative Theory of P3a and P3b // *Clinical Neurophysiology*. 2007. Vol. 118. No 10. Pp. 2128–2148.

Reis H. T. Reinvigorating the Concept of Situation in Social Psychology // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. Vol. 12. No 4. Pp. 311–329.

Roets A., van Hiel A., Cornelis I., Soetens B. Determinants of Task Performance and Invested Effort: A Need for Closure by Relative Cognitive Capacity Interaction Analysis // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2008. Vol. 34. No 6. Pp. 779–792.

Science in Context. Readings in the Sociology of Science / Ed. by B. Barnes and D. Edge. Mylton Keynes: The Open University Press, 1982.

Thompson L., Fine G.A. Socially Shared Cognition, Affect, and Behavior: A Review and Integration // *Personality and Social Psychology Review*. 1999. Vol. 3. No 4. Pp. 278–302.

Van de Laar T., de Regt H. Is Cognitive Science Changing its Mind? Introduction to Embodied Embedded Cognition and Neurophenomenology // *Theory & Psychology*. 2008. Vol. 18. No 3. Pp. 291–296.